

А. С. Лисицына

**«БЫЛ У МЕНЯ ТОВАРИЩ...»:
ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПАСТОРА ГАРАЛЬДА ГОРНБЕРГА (1875–1914)**

В статье на основе ранее не публиковавшихся и впервые введенных в научный оборот архивных материалов, малоизвестных мемуарных источников и периодики прослеживается жизненный путь Гаральда Горнберга (1875–1914) — лютеранского пастора, происходившего из балтийских немцев. Рассматриваются основные этапы его профессионального становления, начиная от обучения на богословском факультете Дерптского (Юрьевского) университета и первого опыта пасторского служения в сельской Лифляндии и заканчивая работой в общинах Петербургского консисториального округа. Особое внимание уделяется короткому, но драматическому периоду 1913–1914 гг., когда Горнберг был проповедником главного лютеранского храма Санкт-Петербурга — Петрикирхе. Описывается благотворительная и душепопечительская деятельность пастора и его коллег после начала Первой мировой войны. Военные события и связанные с ними антинемецкие настроения существенно изменили условия существования Евангелическо-лютеранской церкви в России, тяжело отразившись на судьбах многих представителей духовенства. Учитывая, что предреволюционные годы до сих пор остаются недостаточно исследованным периодом в истории Петрикирхе, предлагаемая статья отчасти восполняет этот пробел. Она открывает возможность для понимания историко-политического контекста пасторской работы на примере жизненного пути одного из таких служителей — жизни, полной контрастов, начинавшейся почти как идиллия и преждевременно оборвавшейся в трагических условиях на переломном историческом этапе.

Ключевые слова: Гаральд Горнберг, протестантское духовенство, балтийские немцы, Евангелическо-лютеранская церковь в России, лютеранская церковь Св. Петра (Петрикирхе), приходская благотворительность, Первая мировая война, антинемецкие настроения.

A. S. Lisitsyna

**“THE GOOD COMRADE”:
PASTOR HARALD HORNBERG (1875–1914),
HIS LIFE AND WORK**

Based upon an array of previously unpublished and largely unexamined archival sources as well as little-known memoirs and newspaper accounts, the study traces the life and work of Harald Hornberg (1875–1914), a Lutheran clergyman of Baltic German origin. The paper provides an overview of the key milestones of his life's journey and career path — starting from theological

education and training at Dorpat University in what is now Tartu, Estonia, through the first ministerial appointment in rural Livonia to becoming a much-loved pastor and preacher of parish communities within Saint-Petersburg Consistorial district. Particular focus is given to the drama of a short but turbulent period of 1913–1914, when Hornberg served as a pastor in St. Peter and Paul's Lutheran church (known as Petrikirche), the largest non-Orthodox Christian congregation in the Russian Empire. At the outbreak of World War I, the congregation demonstrated its patriotic involvement with the war effort as it collected funds for hospitals and charities. Hornberg and his fellow pastors actively contributed to these efforts by ministering to needs of people both spiritually and practically, administering Communion to the wounded and dying, offering advice and giving consolation to the suffering. The burden of pastoral care was enormous. Still, amid wartime anti-German sentiment, their loyalty was questioned. Lutherans came to be treated as potential traitors and faced oppression and discrimination. Taken together, these traumatic experiences and overwork apparently hastened Hornberg's premature death.

Keywords: Harald Hornberg, Protestant clergy, Baltic Germans, Evangelical Lutheran Church in Russia, Lutheran Church of St. Peter (Petrikirche) in Saint Petersburg, church charity, the First World War, Anti-German sentiment.

Введение. Статья посвящена биографии Г. Горнберга — пастора, последние полтора года своей жизни служившего проповедником в крупнейшем иноверческом приходе российской столицы — немецкой Петрикирхе. Будучи младше коллег и не имея опыта работы в столичных общинах, он тем не менее трудился на равных с двумя другими пасторами, играя важную роль в духовной жизни лютеран Петербурга–Петрограда в 1913–1914 гг. В наши дни Горнберг оказался незаслуженно забыт: сегодня даже его имя можно найти далеко не во всех списках пасторов Петрикирхе, не говоря уже об отсутствии сколько-нибудь содержательных биографических заметок. Связано это, очевидно, не столько с краткостью его служения в общине, сколько с ограниченной источниковой базой. Речь идет как о нехватке традиционных источников (с началом Первой мировой войны перестали выходить немецкоязычные периодические издания, публиковаться отчеты церковных советов и религиозных организаций), так и о неполной сохранности архивных материалов того времени. Всеми перечисленными факторами и был продиктован интерес к судьбе пастора Горнберга и его деятельности в историко-политическом контексте.

Детство и годы учебы (1875–1900). Гаральд Густав Роберт Горнберг (Harald Gustav Robert Hornberg) происходил из семьи балтийских немцев. Гаральд был средним из семерых детей. Родился

он 9 февраля 1875 г.¹ в Дерпте (ныне — Тарту, Эстония) в семье купца Константина Горнберга и его жены, Франциски Евгении, урожденной Буш, и был крещен в евангелическо-лютеранское исповедание в церкви Св. Иоанна.

Лиц духовного звания в ближайшем окружении будущего пастора мы не найдем. Мать его была дочерью трактирщика из Егеваской волости². Отец происходил из Дерпта. Сын кожевника³, он тоже работал в кожевенной отрасли. Купец Константин Горнберг, специализировавшийся на выпуске кожи для верха обуви, упоминается в числе заметных производителей 1880-х годов⁴. У него даже имелся собственный магазин в Гостином дворе — главном торговом центре Дерпта. Большая лавка была «снизу доверху заполнена всевозможными видами кожаных изделий»⁵. Но впоследствии дело пришлось продать⁶. В 1890-х годах К. Горнберг значится в документах уже как кассир городского управления и аптекарский помощник, пользующийся правами личного почетного гражданства⁷.

В 9-летнем возрасте Гаральд Горнберг поступил в Дерптскую гимназию, где на тот момент уже учился его старший брат⁸. Гимназии давали хорошее образование, а главное, выпускникам открывалась прямая дорога в университет — без экзаменов. Вот только далеко не каждому удавалось пройти восьмилетний курс, ни разу не оставшись на второй год. Горнберг одолел полный гимназический курс за 10 лет. Еще одной причиной, заставлявшей многих оставить гимназию раньше срока, была необходимость платить за обучение, и в этом отношении тоже не все обстояло гладко: семья не отличалась большим достатком⁹.

Гаральд оказался на ученической скамье в период, когда прибалтийская образовательная система столкнулась с огромным давлением со стороны самодержавия. Остзейским детям отныне надлежало «говорить и думать на русском языке, чтобы ощущать духовное единство с общей отчизной»¹⁰. Средним учебным заведениям Дерптского учебного округа с 1887 г. было предписано начать переход на преподавание на русском языке. Это касалось и Дерптской гимназии, где основной контингент учащихся составляли дети из немецких семей. Насильственная русификация была воспринята в немецкоязычной среде в штыки. Постановления исполнялись

медленно и неохотно, по возможности саботировались, и дело было не только в традициях немецкого населения, но и в отсутствии соответствующих педагогических кадров.

На преподавание русского языка как такового здесь тоже смотрели скорее как на «уступку печальной необходимости»¹¹, что косвенно отражают и отметки Гаральда. По предмету «Русский язык и словесность» он успевал хуже всего. В аттестате зрелости, выданном юноше 3 июня 1894 г. гимназией, которая теперь уже именовалась Юрьевской, его знания оценены двумя твердыми тройками¹². Несколько лучше было с классическими языками: по латыни и греческому гимназист колебался между тройкой и четверкой. По логике, географии и математике даже был хорошистом. Отдельно в свидетельстве отмечается *«любопытность особенно выдающаяся по Закону Божию и немецкому языку»*¹³. По этим двум предметам Горнберг показал себя круглым отличником.

По окончании гимназии, в августе 1894 г., Гаральд (рис. 1) был принят в число студентов богословского факультета Дерптского университета¹⁴ — этой «цитадели онемечивания», русификацией которой центральные власти занимались с особым усердием. Еще в 1889 г. была уничтожена автономия университета, а в 1893 г. — одновременно с переименованием города и городских учреждений — университет стал называться Юрьевским. «Северный Гейдельберг» постепенно превращался в русский провинциальный университет. Начался переход на русский язык преподавания. Многие профессора-иностранцы были выдворены или уволились. Изменился состав студентов.

Однако богословский факультет находился на особом положении¹⁵, и преобразования коснулись его в минимальной степени. Здесь разрешено было по-прежнему вести преподавание на немецком, и еще оставались профессора, являвшиеся питомцами солидных германских университетов и наследниками богатой традиции. Так, Горнбергу довелось слушать лекции известного специалиста по библеистике Фердинанда Мюлау¹⁶, который читал экзегезу Нового Завета и грамматику новозаветного греческого языка. Изучались на факультете и восточные языки. В описываемый период их преподавал влиятельный теолог Вильгельм Фольк¹⁷. Под его руковод-

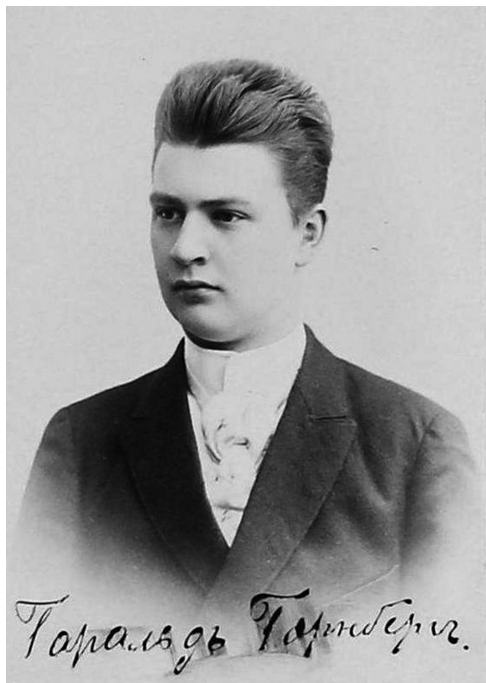

Рис. 1. Гаральд Горнберг
перед поступлением в университет

ством Горнберг освоил еврейскую грамматику и цикл предметов ветхозаветной науки¹⁸.

В тесной связи с богословским факультетом действовала университетская церковь. Построенный при главном университетском здании лютеранский храм (рис. 2) использовался, с одной стороны, для богослужений и треб в отношении студентов и персонала, а с другой — для практических упражнений студентов-теологов. Пастором состоял профессор Фердинанд Гершельман. Именно он вел для будущих проповедников занятия в «гомилетической и катехизической семинарии». У него же Горнберг занимался по таким дисциплинам, как «Учение о началах практического богословия и катехетика», «Учение о богослужении», «Теория церковного управления»¹⁹.

Рис. 2. Университетская церковь в Дерпте (Юрьеве)

Учебной студенческой жизнью, разумеется, не ограничивалась. Дерптское студенчество славилось «шумными коммершами» и «буйным нравом»²⁰. Большинство юношей из числа остзейских немцев состояло в корпорациях, основанных на опыте и модели германских студенческих организаций²¹. Корпорации позволяли организовать досуг, обрести социальные связи, способствовали выработке кодекса чести и формированию этнонационального сознания. В 1890-х годах процент участия стал уменьшаться, но традиции

(собрания, попойки, «мензурные» дуэли и т. п.) остались. Старейшие корпорации — *Curonia, Estonia, Livonia* — объединяли немцев из Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерний. Корпорация *Fraternitas Rigensis* состояла из городской молодежи — преимущественно рижан, но не только. Как раз в нее записался Горнберг²² и некоторые его соученики²³. В отличие от «Ливонии», «Фратернитас Ригензис» считалась менее воинственной и более «целомудренной».

Корпорантская жизнь была устроена иерархически и строго регламентировалась. Бедность считалась предосудительной, как и недостаточно задиристый нрав. Нежелание ли подчиняться чужому диктату, сложности с финансами или иные причины были тому виной, но спустя некоторое время Гаральд ушел из «ригензеров»²⁴. Нельзя исключать, что с какого-то момента его просто стал тяготить образ жизни, отвлекавший от занятий²⁵.

В мае 1899 г. состоялись выпускные экзамены, с которыми Гаральд справился весьма успешно: по экзегезе как Ветхого, так и Нового Завета получил четверки, по предметам, относившимся к историческому богословию, — четверки и пятерки, а испытания по дисциплинам, которые читались на кафедрах систематического и практического богословия, выдержал на «отлично». 28 мая 1899 г. Гаральд был утвержден в звании действительного студента, а через полгода предстал перед консисторией к испытанию на степень кандидата²⁶. 28 апреля 1900 г. Императорский Юрьевский университет удостоил Горнберга степени кандидата богословия²⁷.

Служение в Лифляндской губернии (1901–1909). Прежде чем стать полноценным проповедником, Горнберг прошел испытательный срок под руководством пастора Франца Гольмана (Franz Hollmann) в приходе Св. Марии Магдалины Юрьевского округа²⁸. Вскоре выпускник был посвящен в духовный сан. Ординация состоялась 11 марта 1901 г.²⁹ в церкви Св. Иоанна — той самой, где 26 лет назад его крестили. Теперь он мог начать карьеру в качестве пастора-викария Верроского пробстского округа³⁰.

Первым местом служения стал нейгаузенский приход (*Neuhausen/Vastseliina*), располагавшийся близ живописных развалин замка Нейгаузен (Новгородок, ныне — Вастселийна).

Горнберг сменил скончавшегося в августе 1901 г. пастора Густава Мазинга (Gustav Masing)³¹. Он получил в распоряжение большой приход³² со щедрым покровителем и красивую, обновленную церковь: в 1899–1901 гг. здешний барочный храм подвергся основательной реконструкции, и 14 ноября 1901 г. состоялась церемония освящения³³. В тот же день Горнберг был торжественно введен в должность пастора. В общине его уже неплохо знали: за несколько месяцев, что он провел в статусе викария³⁴, он успел завоевать симпатии прихожан³⁵.

Этот период стал важным не только для профессионального становления, но и для личной жизни Горнберга. 7 сентября 1902 г. он сочетался браком с Хильдегардой Леонтиной Герлиндой Лиллевельд (Hildegard Leontine Gerlinda Lilleweld)³⁶. Венчание прошло в хорошо знакомой Гаральду университетской церкви в Юрьеве³⁷. В 1903 г. у супругов родилась дочь Магдалина, через год появился на свет сын Курт, а в 1906 г. — дочь Ирмгард³⁸.

О благоприятных, почти идиллических, условиях, в которых протекала жизнь пасторского семейства, позволяет судить свидетельство В. Виттрока³⁹, оставившего заметки о путешествии по Лифляндии летом 1904 г.: «Наша следующая остановка — пасторат Нейгаузен⁴⁰. <...> Пастор Горнберг уже вернулся и показывает нам прекрасные комнаты своего обширного дома»⁴¹ (рис. 3). Впечатления у гостей самые приятные: «Эти старые молчаливые стены теперь согреты счастьем молодой любви, которая свила тут свое уютное гнездышко. В саду, под сенью пышных лип, заботливой женской рукой для нас сервирован завтрак — умело и с большим вкусом». В завершение автор сообщает: «Рядом с пасторским домом стоит прелестная церковь, принадлежащая к числу наиболее вместительных сельских храмов нашего края. Как говорит пастор, по высоте над уровнем моря она превосходит все прочие храмы Северной Лифляндии. Покойный предшественник нашего дружелюбного проводника в шутку называл себя “верховным пастором Лифляндии”»⁴².

Но не всегда все было так безоблачно. Тяжелым периодом стали революционные события 1905–1906 гг., когда в Прибалтике обострилась враждебность эстов и латышей по отношению к нем-

Рис. 3. Пасторский дом в Нейгаузене

цам, что проявлялось в агитации против немецких помещиков и пасторов, убийствах и кровопролитных столкновениях⁴³. Нейгаузенский приход тоже не избежал кризиса. Горнберг, если верить его преемнику, пастору Мару, столкнулся с отторжением со стороны значительной части общины, хотя и проявил завидную стойкость и мужество⁴⁴. Любопытно, что сам Горнберг впоследствии говорил о своей первой общине только с благодарностью, не устая повторять, что в темные революционные годы, «когда многие другие приходы отвернулись от своих пасторов», его прихожане «не причинили ему ничего дурного»⁴⁵.

Псков (1910–1913). В Нейгаузене Горнберг пробыл 8 лет, а в конце 1909 г. переселился с семьей в Псков, возглавив приход церкви Св. Иакова (Якова), входивший в состав Петербургского консисториального округа⁴⁶.

Лютеранская община официально существовала в Пскове со второй половины XVIII в., а новое здание кирхи появилось в 1870 г.⁴⁷ Церковь стояла на главной магистрали города — Сергиевской улице⁴⁸, и хотя в народе ее чаще называли немецкой, в состав

прихода входили также эсты и латыши (правда, с 1905 г. латышская и эстонская община фактически существовали как самостоятельные приходы⁴⁹).

Пасторское служение в псковском приходе много лет нес Герман Брезински (Брезинский) (Hermann Bresinsky), который с 1910 г. в силу возраста был вынужден уйти на покой⁵⁰. Горнберг, несмотря на молодость, оказался достойным преемником⁵¹. Он проявил себя как яркий проповедник и, главное, хорошо понимал нужды самых разных групп населения. Последнее было немаловажно, поскольку социальный состав общины отличался пестротой. Евгения Раух⁵² вспоминала: «Горнберг был темпераментным, веселым человеком и превосходным оратором, обладавшим талантом находить общий язык со всеми. Он пользовался симпатией и любовью в кругах литераторов и крупных коммерсантов и в то же время умел дружески общаться с немецкими ремесленниками»⁵³.

По некоторым оценкам⁵⁴, к 1909 г. лютеране составляли уже около трети населения всего губернского Пскова⁵⁵. Горнберг являлся пастором как немецкой, так и эстонской общины⁵⁶ — вероятно, к этому времени он уже в достаточной степени владел эстонским языком⁵⁷. Кроме того, в состав прихода Св. Иакова входил ряд филиальных общин (в том числе эстонских), и Горнберг, как и его предшественники, посещал разбросанные вокруг селения, совершая крещения и прочие обряды и проводя богослужения в тамошних храмах и молитвенных домах⁵⁸. Но предметом особых его забот была собственная псковская паства, в первую очередь немецкая. Горнберг подхватил инициативы, развивавшиеся ранее на уровне отдельных семей, распространив их на всю немецкую общину: например, была расширена деятельность швейной мастерской⁵⁹. Он также поддерживал культурно-просветительскую и благотворительную работу в приходе: уделял большое внимание приюту для престарелых прихожан и преподавал лютеранский Закон Божий в училище, содержавшемся на средства немецкого прихода. Это заведение еще в 1906 г. получило статус частной женской прогимназии при лютеранской церкви Св. Иакова⁶⁰, что позволяло дать детям прихожан такое же образование, какое получали девицы в женских правительственных прогимназиях⁶¹. В 1908 г. прогимна-

зия переехала в специально построенное новое здание за кирхой⁶². В этом же доме обустроили пасторскую квартиру⁶³.

По воспоминаниям Евгении Раух, Горнберг поддерживал прекрасные отношения с коллегами и был замечательным преподавателем: ученицы вокруг него так и роились, а самые младшие, у которых он уроков не вел, все равно надеялись, что он к ним заглянет. Девочки ставили подле стола учительницы дополнительный стул — на случай, если в класс вдруг «пожалует пастор и что-нибудь спросит»⁶⁴. Педагогическая деятельность Горнберга в Пскове не ограничивалась приходской прогимназией. Дополнительно он работал внештатным законоучителем в Мариинской женской гимназии⁶⁵.

Весной 1913 г. стало известно, что Горнберг перебирается в Петербург. Хотя он служил в Пскове не так долго, прихожане очень к нему привязались и искренне сожалели об уходе такого толкового пастора и «либерального человека»⁶⁶.

Пастор Петрикирхе: Петербург–Петроград (1913–1914). В марте 1913 г. Горнберг получил приглашение от совета немецкого лютеранского прихода Св. Петра в Петербурге (Петрикирхе) принять участие в конкурсе на вакансию пастора. Предложение его заинтересовало. Переезд в столицу привлекал в карьерном отношении и открывал широкие возможности, в том числе с точки зрения дальнейшего образования детей.

Петербург был особым, очень «немецким» городом. Здесь работали центральные органы Евангелическо-лютеранской церкви и находилось более дюжины лютеранских приходов⁶⁷, из которых приход Св. Петра являлся самым многочисленным и богатым. В общине, отметившей в 1910 г. свое 200-летие, насчитывалось около 15 тыс. членов⁶⁸. Приход располагал солидной недвижимостью, приносившей хороший доход, что в совокупности с пожертвованиями позволяло содержать благотворительные заведения, которых в описываемый период было уже около десятка. В общине работали три пастора: Готлиб Кейслер, Вильгельм Кентман и Карл Вальтер.

Пасторское служение в таком крупном приходе требовало огромных эмоциональных и физических затрат, что было обусловлено как объемом обязанностей, так и новыми социальными запросами, связанными с повышением образовательного уровня

населения и усилением «чуждых христианству начал»⁶⁹. Эта проблема была озвучена на собрании церковного совета в январе 1913 г. Председатель, граф К. Пален, отметил, что в последние годы из-за «постоянного роста численности общины, растущих требований современной жизни и формирования все более разветвленной системы приходских благотворительных заведений» нагрузка на священнослужителей достигла «крайнего предела человеческих сил»⁷⁰. В условиях, когда люди взбудоражены новыми духовными проблемами и налицо сильнейшее напряжение общественной жизни, к пасторам предъявляются беспрецедентные требования в смысле владения последними достижениями богословской науки. Правда, учитывая «всем известное чрезмерное обременение пасторов в нашей общине», следить за последними тенденциями в теологии становится затруднительно⁷¹. При этом Пален подчеркнул, что пасторские должности в Петрикирхе всегда занимали неординарные личности, часто — питомцы иностранных университетов, «привносившие в жизнь общины свежий дух, новые идеи и импульсы»⁷².

Очевидно, что соображения о важности «свежей струи» были приняты в расчет, когда совет приступил к поиску преемника на место 68-летнего Кейслера, который сообщил, что по состоянию здоровья намерен оставить должность⁷³.

На заседании приходского правления⁷⁴ 8 марта 1913 г. был составлен общий перечень кандидатов и на его основе определен финальный короткий список⁷⁵. Помимо Горнберга, в «шорт-лист» вошли Вильгельм Ферман⁷⁶ и Франц Гольман — старый знакомый Горнберга, служивший теперь в приходе Рыуге. От пробной проповеди Горнберга и Фермана освободили, поскольку оба не так давно имели случай побывать в Петрикирхе и прочитать проповедь⁷⁷. Таким образом, Горнберг уже был знаком членам церковного руководства и общине. Впрочем, выдвижение его кандидатуры могло быть связано, как это часто бывало, и с чьими-то личными рекомендациями⁷⁸.

Пленарное заседание с целью выбора нового пастора состоялось 29 марта 1913 г. Поскольку оказалось, что Гольман в вакансии не заинтересован, список сократился до двух фамилий. Подавляющее

большинство голосов было отдано за Горнберга⁷⁹. В апреле был утвержден текст призывной грамоты⁸⁰ — своего рода трудового договора, в котором излагались обязанности пастора. Оговаривалось, что ему надлежит проповедовать христианское учение согласно со Св. Писанием и вероучением Евангелическо-лютеранской церкви, «наставлять, назидать, ободрять и утешать» паству, а также «не только увещанием, но и собственным примером» побуждать общину к благочестивой жизни. Предписывалось поочередно с двумя коллегами отправлять все положенные богослужения (причем произносить проповеди — сугубо по памяти!), нести служение в городских евангелических богадельнях и больницах, а также в собственно приходских заведениях. За все это полагалось годовое жалованье на уровне двух старших коллег, то есть 3300 руб. (помимо оклада — 1935 руб. 74 коп., сумма включала 314 руб. 26 коп. на дрова, 550 руб. на оплату дорожных расходов и 500 руб. за ведение церковных книг), а также «подобающая квартира»⁸¹.

1 мая вышли приказы Петербургской консистории об отставке Кейслера и назначении Горнберга, а 3 мая последовал приказ Генеральной консистории об утверждении избранному пастору жалованья в указанном размере⁸².

12 мая 1913 г., в воскресенье *Cantate*⁸³, в храме состоялось торжественное введение Горнберга в должность. Обряд совершил генерал-суперинтендент Гвидо Пенгу, которому ассистировали пасторы Вальтер и Кентман⁸⁴. Пенгу произнес речь, призвав общину приветливо принять «нового пастыря», а обращаясь к последнему, попытался его воодушевить и приободрить⁸⁵. Затем Горнберг произнес проповедь. По окончании официальной части гости перешли в зал Петришulte (Главного немецкого училища при церкви Св. Петра), где был устроен банкет. Об угощении позаботилось кафе «Доминик»⁸⁶. В меню значились закуска, четыре перемены блюд и кофе. Для супруги виновника торжества был заказан букет, для остальных дам — просто цветы⁸⁷.

Через два дня Гаральд Константинович приступил к исполнению своих обязанностей в качестве пастора Петрикирхе (рис. 4). «Непросто было ему свыкнуться с жизнью в большом городе. Все казалось здесь чужим и холодным»⁸⁸, — напишет он год спустя,

Рис. 4. Гаральд Горнберг —
пастор петербургской Петрикирхе

правда не о себе, а о своем предшественнике Кейслере, тоже в свое время приехавшем в столицу из провинции. Вероятно, эти слова в какой-то мере отражают личный опыт Горнберга. Впрочем, по мнению коллег, ему удалось в кратчайший срок освоиться в новых условиях и «сориентироваться в сложных отношениях и обстоятельствах жизни большой столичной общины»⁸⁹. Положительную роль могло сыграть то, что Горнберга теперь окружала однородная этнокультурная среда: приход объединял именно немцев.

Нагрузку между пасторами распределяли равномерно, но забот было не счесть. На первом месте стояла душепопечительская и богослужебная деятельность, причем, кроме основных служб, проводились библейские и миссионерские чтения, вечерни, литургии по случаю государственных праздников и т. д. Горнберг отвечал,

помимо прочего, за библейские чтения⁹⁰, а с осени 1914 г. приступил к проведению детских богослужений⁹¹. Кроме того, он занимался с большим количеством конфирмантов. Работа с молодежью относилась к числу его несомненных талантов, и за короткое время пастор завоевал любовь многих юных христиан.

К духовной и педагогической работе добавлялась административная. Наряду с двумя коллегами, Гаральд Константинович состоял в Управлении училищ Св. Петра, а также занимался делами приходских учреждений: был членом Комитета сиротского дома, Общества призрения бедных⁹² и Комитета детского оздоровительного учреждения в с. Райвола⁹³. Помимо этого, Горнберга выбрали новым председателем комитета богадельни *Bethesda*⁹⁴ (в русскоязычных источниках — «Вифезда», «Бетесда» или «Бетезда») в Стрельне. В этой сфере он тоже подхватил эстафету своего предшественника: заведение относилось к числу общественных евангелических учреждений и не являлось собственностью конкретного прихода, но для Кейслера как основателя⁹⁵ всегда оставалось любимым детищем⁹⁶. Оно представляло собой дом диаконис, где призревались хронически и неизлечимо больные женщины и дети евангелического исповедания⁹⁷. В 1911–1912 гг. было построено новое кирпичное здание с молельней⁹⁸.

* * *

20 июля 1914 г. было объявлено о начале войны с Германией.

Под влиянием серьезности военного времени общество охватила повышенная религиозность. В храмах «можно было видеть многих, которые раньше едва ли и в мыслях имели их посещение»⁹⁹. Лютеранская церковь в этих сложных условиях не только выступила как духовный институт, но и проявила себя в патриотической деятельности. Для пасторов начались будни, требующие напряженного труда и самопожертвования.

Во время богослужений церковь Св. Петра всякий раз была переполнена¹⁰⁰. 29 июля 1914 г. здесь была проведена особая двойная литургия: сначала служба для солдат евангелического исповедания, причем «на общепонятном русском языке» (даже хоралы были переведены на русский и распечатаны), а затем молебен

с участием других евангелических общин города¹⁰¹. Кроме того, в мобилизационный период в Петрикирхе ежедневно совершалась Евхаристия для отправляющихся на фронт.

17 августа состоялось богослужение по случаю отбытия на театр военных действий Евангелического полевого лазарета¹⁰² с проповедью и благословением врачей и сестринского персонала¹⁰³. Церковный совет пожертвовал в пользу организации 1 тыс. руб.¹⁰⁴

18 августа Петербург был «из патриотических соображений» переименован в Петроград.

В приходе тем временем велась активная благотворительная деятельность, направленная на нужды войны. В частности, собирались пожертвования для лазарета в Щеглово, а также открытого по повелению Александры Федоровны в Зимнем дворце склада для снабжения войск и помощи раненым. Еще в конце июля депутация церковного совета передала императрице 2 тыс. руб. на поддержку этого благого дела¹⁰⁵. Сбор в пользу склада также был произведен по окончании богослужения 31 августа¹⁰⁶. Не прекращался и сбор средств на содержание Евангелического полевого лазарета. В октябре в церковном вестибюле разместили кружку для пожертвований на его нужды¹⁰⁷. Наконец, был устроен собственный приходской лазарет для раненых, содержавшийся полностью на средства Петрикирхе¹⁰⁸ (о нем будет сказано ниже).

К Горнбергу, как и другим пасторам столицы, в это время приходило особенно много людей, искавших совета и помощи, «и его дверь была целый день открыта»¹⁰⁹. Кроме того, он регулярно посещал тяжелораненых и умирающих солдат (особенно в Николаевском военном госпитале), проводя службы и совершая таинства причащения¹¹⁰.

Как видим, община Петрикирхе и ее служители были лояльны к власти и стремились внести посильный вклад в дело помощи армии. Но приведенная хроника отражает лишь часть картины, умалчивая о драматических событиях, связанных с антинемецкими настроениями. На волне вышедшего из-под контроля «патриотизма» лица немецкой национальности превратились в потенциальных врагов. Представителей евангелического духовенства и отдельных прихожан подозревали в шпионаже и неблагонадежности. Люте-

ранскую церковь рассматривали как особо опасную организацию. Проповедь на немецком языке была запрещена; введены жесткие ограничения для немецких школ¹¹¹. Перестали выходить немецкоязычные периодические издания. Происходили конфискации, погромы и насильственные переселения¹¹².

О борьбе с «немецким засильем» в Петрограде в годы Первой мировой войны написано немало. Но как воспринимали эту агрессивную нагнетаемую враждебность сами немцы? Как переживали все эти запреты прихожане и пасторы, лишь незначительная часть которых владела русским языком? В отчетах церковного совета Петрикирхе можно прочесть, что, проводя «военные богослужения» и оказывая помощь солдатам, лютеране чувствовали свою сплоченность и причастность к судьбам страны, в которой они издавна проживали и которую считали своей родиной. Они не сомневались: война «лишний раз докажет, что евангелические подданные Российской империи, независимо от их национального происхождения и родного языка, знают свой священный патриотический долг и умеют быть верными до смерти»¹¹³. И действительно, с началом войны многие российские немцы пошли на фронт добровольцами. Лютеранское духовенство, в свою очередь, делало все возможное для «укрепления и наставления уходящих на поле брани, утешения и призрения их семей, собирания средств для смягчения ужасов войны»¹¹⁴. Но все эти проявления верности долгу и подлинного патриотизма тонули в потоках националистической пропаганды.

* * *

5 ноября 1914 г.¹¹⁵ пастор евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Петрограде Гаральд Горнберг скоропостижно скончался. Еще днем он был полон энергии. Занимался служебными делами, потом поехал в «Вифезду», но там внезапно почувствовал себя дурно, — и все-таки нашел в себе силы вернуться в город. Оказавшись к вечеру дома, немедленно лег в постель. Когда г-жа Горнберг обнаружила, что ее муж не дышит, вызванные врачи смогли лишь подтвердить факт смерти¹¹⁶.

Два дня спустя тело перенесли в Петрикирхе. Похороны, которые оплатила община¹¹⁷, состоялись 8 ноября (рис. 5). Церковь едва

Рис. 5. Объявление о кончине Горнберга на первой полосе *Petrograder Zeitung*

вместила всех желающих. Пришло особенно много молодежи. В начале траурной церемонии хор исполнил песнопение *Selig sind die Toten*, а пастор Вальтер произнес надгробную речь на евангельский текст (любимое изречение покойного): «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5)¹¹⁸. Потом снова пел хор, а затем слово взял генерал-суперинтендент Пенгу. Коллеги усопшего вынесли гроб из церкви.

Местом погребения было выбрано Смоленское лютеранское кладбище¹¹⁹. У могилы оба пастора Петрикирхе сказали короткую речь. Слова прощания и благодарности произнесли граф К. Пален и директор Петришуле Р. Штейнман. Стрельнинский пастор Х. В. Берман¹²⁰ напомнил всем о том, какую заботу Горнберг проявлял о богадельне «Вифезда», ставшей его «последней любовью»¹²¹. Наконец, выступил пастор В. Ферман. Он процитировал известный траурный марш «Был у меня товарищ» (*Ich hatt' ein Kamerade, einen besseren findest du nicht...*), исполняемый в Германии в честь павших воинов. В наступившей тишине прозвучало несколько погребальных песнопений.

Коллеги были единодушны в том, что их товарищ не перенес обрушившихся со всех сторон горестей. По их воспоминаниям, он был добрым и отзывчивым человеком (хотя и чуждым всякой сентиментальности)¹²². Как писала Е. Раух¹²³, пастор близко к сердцу принимал тяготы страждущих и во время войны «сострадал всем презираемым и гонимым, всюду даря утешение и протягивая руку

помощи, пока у него самого от всех этих бедствий не разорвалось сердце»¹²⁴. Это образное выражение имеет в данном случае вполне конкретный смысл: причиной смерти стал порок сердца (в другой формулировке — разрыв сердца)¹²⁵. Хотя Горнберг лично не подвергался репрессиям и его имя не вошло ни в один мартиролог, не вызывает сомнений, что огромная нагрузка военного времени и эмоциональное напряжение, связанное в том числе с преследованием братьев по вере (как в Петроградском округе, так и в родной Прибалтике), приблизили его конец.

В скором времени в церковном конференц-зале, где по традиции размещали портреты всех бывших пасторов и попечителей Петри-кирхе, появился и портрет Горнберга — фотография в красивой черной деревянной раме¹²⁶.

Кончина Гаральда Константиновича не только стала большим ударом для его семьи и общины, но и тяжело отразилась на богослужебной жизни. Церковь и без того едва справлялась с трудностями военного времени и испытывала дефицит кадров. Теперь же двум коллегам усопшего пришлось распределять между собой его обязанности¹²⁷. Постоянный третий пастор вновь появился в общине только летом 1915 г.

Судьба семьи. Г-жа Горнберг после смерти мужа находилась при общине, работая в приходском лазарете для раненых воинов, который открылся 29 ноября 1914 г. и числился среди приписанных к Российскому обществу Красного Креста¹²⁸. Церковный совет отдал под лазарет четыре помещения, которые ранее занимал сиротский дом¹²⁹ (ул. М. Конюшенная, д. 5), и выделил 2 тыс. руб. на ремонт и первичное оборудование¹³⁰.

Пожертвования прихожан позволили содержать 25 кроватей. Заведовал лазаретом специальный комитет церковного совета. Также был учрежден Дамский комитет по снабжению лазарета бельем и прочими принадлежностями. 37-летняя вдова Горнберга вошла в его состав вместе с супругами двух оставшихся пасторов¹³¹. Непосредственным управлением делами лазарета занимался руководящий комитет, членами которого были два квалифицированных врача (Э. фон Минквиц и О. фон Петерсен), два пастора (Вальтер и Кентман) и г-жа Горнберг. Собственно штат лазарета (рис. 6) со-

Рис. 6. Группа членов комитета и медицинский персонал среди раненых в палате лазарета Петрикирхе. Петроград, 1915 г. В третьем ряду — г-жа Горнберг(?)

стоял из двух названных медиков, двух сестер милосердия (которым помогали 5 сестер-волонтеров) и «начальницы по хозяйственной части» — г-жи Горнберг¹³².

Трагическим рубежом в истории Петрикирхе стала революция 1917 г. Многие члены общины, спасаясь от преследований, экономической разрухи и нестабильной политической ситуации, покинули Россию. Семья Горнберга оставалась в Петрограде, по всей видимости, до начала 1920-х годов. Несмотря на катастрофическое финансовое положение церкви, в 1917–1918 гг. вдове пастора позволялось по-прежнему занимать весьма обширную квартиру в одном из церковных домов, причем по льготной цене¹³³. Кроме того, в течение 1918 г. церковь несколько раз продавала г-же Горнберг дрова (в том числе по себестоимости), избавляя ее от хлопот и лишних трат в условиях жесточайшего топливного кризиса¹³⁴. Наконец, вдове выплачивалась скромная пенсия¹³⁵.

Старшая дочь покойного пастора, Магдалина Гаральдовна, в августе 1919 г. подала прошение о принятии ее в виолончельный класс

Петроградской консерватории¹³⁶. Однако продолжения история не получила.

Через какое-то время семья, включая Магдалину, оказалась в Венгрии. В 1926 г. в газетах *Dorpatser Zeitung* и *Revaler Bote* было опубликовано обращение к членам прихода в Вастселийне, а также к проживающим в Эстонии бывшим прихожанам псковской лютеранской церкви и общины Петрикирхе — и вообще ко всем, кто помнит пастора Горнберга. От имени преданных друзей сообщалось, что вдова и дети покойного терпят в Будапеште «горькую нужду, к которой присоединились возникшие у младшей дочери тяжелые болезни (сыпной тиф и аппендицит)», но теперь рассчитывают выехать из-за границы. Авторы обращения призывали читателей помочь Горнбергам собрать хотя бы часть денег на дорогу, подчеркивая, что долг каждого равнодушного — «по мере сил внести свою лепту в память о нашем дорогом пасторе, который до последнего часа отдавал себя служению ближнему»¹³⁷. К счастью, благодаря хлопотам посланника Эстонской Республики в Берлине Меннинга¹³⁸ и латвийского посланника Войта¹³⁹ (которые в свое время были друзьями пастора) семья получила разрешение вернуться на родину.

Заключение. В результате проведенного исследования удалось не только восстановить основные вехи жизненного и профессионального пути пастора Горнберга — от учебы и первых опытов пасторской работы до служения в престижнейшем столичном приходе — петербургской Петрикирхе, — но и проследить, какие процессы происходили в главной лютеранской общине страны на фоне драматических событий военного и предреволюционного времени, как трансформировалось в этот период само пасторское служение и какие испытания выпадали на долю евангелического духовенства. Были выявлены ранее неизвестные факты, связанные с самоотверженной работой, которую вели община и ее служители ради смягчения ужасов войны. Впервые введен в научный оборот ряд архивных материалов (главным образом рукописных), а также печатных текстов, рассеянных по малодоступным публикациям и периодическим изданиям.

Библиография

Архивные источники

Российский государственный исторический архив

- РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1358.
РГИА. Ф. 828. Оп. 10 (1913 г.). Д. 157.
РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 604.
РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 679.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

- ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 159.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

- ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10768.
ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 318.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 292.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 293.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 303.
ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307.
ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 100.
ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 135.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

- ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 818.

Eesti Ajalooarhiiv (ЕАА, Исторический архив Эстонии)

- ЕАА.402.1.7319.
ЕАА.402.1.7320.
ЕАА.402.2.10234.
ЕАА.402.12.61.
ЕАА.1253.1.532.
ЕАА.1254.1.35.
ЕАА.1254.1.67.
ЕАА.1254.1.69.
ЕАА.1271.1.185.
ЕАА.2434.1.19.

Опубликованные источники

Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (бывшего Дерптского) университета за сто лет его существования. Юрьев, 1902. Т. 1. 666 с.

Весь Петроград на 1915 год: Адресная и справочная книга г. Петроград. Пг.: Новое время, 1915. 1767 с.

Нива. 1897. № 11.

Памятная книжка Псковской губернии на 1911–1912 гг. / изд. Псковского губернского статистического комитета. Псков: Тип. губернского правления, 1910. 448 с.

Речь. 1914. № 302 (2971).

Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе... к 1 января 1912 года. 1912. 590 с.

Album der Landsleute der Fraternitas Rigensis (1823–1898) / Ar. v. Berkholz. 2-e Aufl. Riga, 1898. 276 S.

Baltisches Historisches Ortslexikon. Teil 1: Estland / hrsg. von H. von zur Mühlen. Köln; Wien, 1985. 702 S.

Bericht über die Evangelische Anstalt Bethesda in Strelna... für das Jahr 1911. St. Petersburg, 1912. 30 S.

Das Inland. 1848. № 42.

Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland: Eine historisch-statistische Darstellung / hrsg. vom Zentral-Komitée der Unterstützungs-Kasse für evangelisch-lutherische Gemeinde in Russland. I. Band. St. Petersburg: J. Watsar, 1909. XXXI + 420, XV + 220 + IX S.

Dorpater Zeitung. 1926. № 170.

Eesti Postimees. 1886. № 17.

Eesti Postimees. 1901. № 45.

Koit. 1913. № 30.

Linda. 1901. № 48, № 49.

Pernausche Zeitung, 1901. № 22, 89.

Pernausche Zeitung, 1910. № 4.

Personalstatus der Evangelisch-Lutherisch und Evangelisch-Reformirten Kirche in Russland / hrsg. vom St. Petersburgischen Generalsuperintendenten C. Laaland. Petrograd, 1914. 147 S.

Petrograder Zeitung. 1914. № 306, 307, 309.

Postimees. 1901. № 247.

Postimees. 1926. № 315 (89).

Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914.

Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petrograd für das Jahr 1914. Petrograd, 1915.

Revaler Bote. 1926. № 167.

Rigasche Industrie-Zeitung. 1883. № 13.

- Ristrahwa Pühhapäewaleht. 1900. № 3.
Ristrahwa Pühhapäewaleht. 1901. № 12, 14.
Ristrahwa Pühhapäewaleht. 1912. № 2.

Литература

Андреева Н. С. Антинемецкая кампания и прибалтийские немцы в период Первой мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2020. № 2 (21). С. 6–26.

Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Худ. лит.-ра, 1965. Т. 1. 587 с.

Вернер А. В. Общественные евангелические учреждения в Санкт-Петербурге // Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 225–245.

Виттрам Р. История прибалтийских народов: от подданных Ливонского ордена до независимых государств. М.: Центрполиграф, 2020. 412 с.

Гернет А. фон. Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1910: Юбил. листок в память столетия существования колонии. СПб., 1910. 25 с.

Дервнина Е. А., Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы на Северо-Западе России XVIII–XX вв.: ист. справ. СПб.: Аврора, 2021. 352 с.

Гончаров М. Национально-образовательная политика на западных окраинах Российской империи XIX — начала XX в. // The Humanities and Social Science. 2015. № 25. С. 79–89.

Ефимов А. Н. Эстонские евангелическо-лютеранские общины на Стругокрасненской земле // Псков. 2018. № 49. С. 46–104.

Из истории псковских немцев: [сб. ст.] / Рус.-нем. центр встреч в Пскове. Псков, 2007. 86 с.

Курило О. В. Лютеране в России, XVI–XX вв. [Б. м.]: Фонд «Лютер. наследие», 2002. 400 с.

Левин Н. Ф. Псков на старых открытках: альбом в четырех частях. Псков: Стерх, 2004. 412 с.

Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). 2-е изд. М.: Готика, 2000. 432 с.

Немцы России: энциклопедия. М.: ЭРН, 2004. Т. 2. 747 с.

Обзор деятельности Императорского Дерптского университета. На память о 1802–1865 годах. Дерпт: К. Маттисен, 1866. 172 с.

Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Исторический очерк. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. 620 с.

Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902). Исторический очерк. СПб.: Сенат тип., 1906. 211 с.

Рыжакова С. И. Фукусы, коммилтоны, филистры... М.: НЛО, 2015. 384 с.

Солодовников В. В. Мученик Иаков Псковский. М.: [б. и.], 2009. 106 с.

Таценко Т. Н. Пасторы немецких евангелическо-лютеранских общин в Санкт-

Петербурге // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 171–180.

Туманова А. С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны // Неприкосновенный запас. 2015. № 5 (103). С. 190–210.

Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю. История Евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 381 с.

Шор Т. Б. Выпускники Петербургского университета — профессора и преподаватели Тартуского университета 1900–1930 // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии / сост. В. Бойков. Вып. 1. Таллин, 2001. С. 105–122.

Шор Т. Б. Студенты-саратовцы в Тартуском/Дерптском/Юрьевском университете (1893–1940) // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 461–488.

Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: Ein biogr. Lexikon. Lüneburg: Inst. nordostdt. Kulturwerk; Erlangen: Martin-Luther-Verl., 1998. 557 S.

Die evangelischen Prediger Livlands bis 1918 / hrsg. M. Ottow, W. Lenz. Wien: Böhlau Verlag Köln, 1977. 529 S.

Eesti: Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Tartu, 1926. 517 S.

Rauch E. Deutsches Kirchen- und Schulwesen in einer russischen Provinzstadt // Baltische Monatshefte. 1937. Heft 1. S. 15–28.

Rauch G. Die deutsche Bevölkerung von Pleskau zwischen 1860 und 1917 // Genealogisches Jahrbuch. 1981. Band 21. S. 223–260.

Vege sack T. von. Utan hem i tiden: berättelsen om Arved. Stockholm: Norstedts, 2008. 173 S.

Wittrock V. Eine Fußwanderung mit Schülern durch Livland // Heimatstimmen: Ein baltisches Jahrbuch / hrsg. von C. Hunnius, V. Wittrock. Reval, 1904. S. 59–154.

* * *

¹ ЕАА.402.1.7319. Л. 3, 9; ЕАА.402.12.61. Л. 54; ЕАА.1253.1.532. Л. 5. (В некрологе, опубликованном в отчете церковного совета [см.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 29], дата рождения ошибочно указана как 5 ноября. Документами это не подтверждается.) *Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.*

² ЕАА.2434.1.19. Л. 25.

³ Кожевенный мастер Александр Фердинанд Горнберг (см.: Das Inland. 1848. № 42. Стб. 916; ЕАА.1865.2.113/2. Л. 206). Родился близ Гапсаля, затем переселился в Дерпт. Умер в 1902 г. в возрасте 95 лет (см.: ЕАА.1253.1.567. Л. 16–17).

⁴ Rigasche Industrie-Zeitung. 1883. № 13. S. 149.

⁵ Eesti Postimees. 1886. № 17. S. 4.

⁶ Принадлежавший купцу К. Горнбергу магазин был продан с торгов в 1888 г. (см.: Eesti Postimees. 1888. № 39. S. 4).

⁷ ЕАА.402.1.7319. Л. 5, 12; ЕАА.402.12.61. Л. 54; ЕАА.1253.1.605. Л. 168. Скончался в 1901 г. в возрасте 52 лет (см.: ЕАА.1253.1.566. Л. 12–13).

⁸ Эгон Горнберг окончил Дерптскую гимназию (ЕАА.402.2.10234. Л. 6) и Дерпт-

ский университет (ЕАА.402.2.10235), стал лекарем. О других братьях и сестрах сведений нет.

⁹ Эгону в 1891 г. (в период поступления в университет) было выдано свидетельство о бедности (см.: ЕАА.402.2.10235. Л. 27, 29).

¹⁰ *Виттрам Р.* История прибалтийских народов. М., 2020. С. 317.

¹¹ *Гончаров М.* Национально-образовательная политика на западных окраинах Российской империи XIX — начала XX в. // *The Humanities and Social Science*. 2015. № 25. С. 84–85.

¹² ЕАА.402.1.7319. Л. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ ЕАА.402.1.7319. Л. 7; ЕАА.402.12.61. Л. 54. Номер матрикула — 15762.

¹⁵ В стране не существовало других факультетов для подготовки служителей Евангелическо-лютеранской церкви.

¹⁶ В 1895 г. Мюлау перешел в Кильский университет.

¹⁷ Фольк в 1898 г. перешел в Грайфсвальдский университет.

¹⁸ Из более молодых преподавателей заслуживают упоминания Альфред Зеберг, который читал лекции по новозаветной экзегетике, и Ян Квачала, у которого Горнберг слушал лекции по церковной истории.

¹⁹ ЕАА.402.1.7320. Л. 117–122.

²⁰ *Нива*. 1897. № 11. С. 250.

²¹ Остзейские корпорации были в определенной мере сходны с германскими *Burschenschaften* и *Landsmanschaften*, но имели ряд отличий. Подробнее см.: *Рыжкова С. И.* Фуксы, коммилтоны, филистры... М.: НЛО, 2015. 384 с.

²² ЕАА.402.1.7319. Л. 13.

²³ Например, окончивший гимназию вместе с Горнбергом и одновременно поступивший на богословский факультет Ф. Трефнер (см.: ЕАА.402.1.26497. Л. 11).

²⁴ В альбоме членов корпорации Горнберг не значится (см.: *Album der Landsleute der Fraternitas Rigensis (1823–1898)*. Riga, 1898). При этом Трефнер и некоторые другие его соученики членство сохранили.

²⁵ В этом смысле интересно процитировать слова, которые Горнберг позже напишет об активном члене *Fraternitas Rigensis* Готлибе Кейслере — выпускнике (1867) того же факультета и своем предшественнике на посту пастора петербургской Петрикирхе: «Кейслер не чурался дружеских пирушек и был уважаемым коммилтоном, популярным среди товарищей, однако же с полной серьезностью отдавался учебным занятиям. <...> Во второй половине своего обучения он все больше отдалялся от шумной студенческой жизни и углублялся в теологию» (см.: *Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1913*. St. Petersburg, 1914. S. 7–8). Возможно, то же самое произошло и с Горнбергом (только, в отличие от него, Кейслер остался членом корпорации, более того, всю жизнь поддерживал с ней связь).

²⁶ *Ristirahwa Pühhapäewaleht*. 1900. № 3. S. 24.

²⁷ ЕАА.402.1.7320. Л. 2.

²⁸ *Ristirahwa Pühhapäewaleht*. 1901. № 14. S. 122.

²⁹ Personalstatus der Evangelisch-Lutherisch und Evangelisch-Reformirten Kirche in Russland. Petrograd, 1914. S. 3; *Amburger E.* Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Lüneburg, 1998. S. 360; Ristirahwa Pühhapäewaleht. 1901. № 12. S. 106.

³⁰ Ristirahwa Pühhapäewaleht. 1901. № 14. S. 122; *Pernausche Zeitung*, 1901. № 22. S. 2.

³¹ Die evangelischen Prediger Livlands bis 1918. Köln; Wien, 1977. № 816.

³² В начале XX в. к приходу относилось около 14 тыс. человек (см.: *Baltisches Historisches Ortslexikon. Teil 1: Estland.* Köln; Wien, 1985. S. 382). При этом надо понимать, что один пастор физически не мог охватить всю находящуюся в его ведении территорию, поэтому ему помогали кюстеры и простые миряне, которые по нужде совершали на местах некоторые церковные обряды (крещения, отпевания).

³³ *Linda.* 1901. № 48. S. 766; *Postimees.* 1926. № 315 (89). S. 1; Ristirahwa Pühhapäewaleht. 1912. № 2. S. 11; *Eesti Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus.* Tartu, 1926. S. 416. Тогда же был обновлен и интерьер: патрон церкви, фон Липгарт (Липхарт), подарил храму новые кафедру и запрестольный образ. Храм сохранился до наших дней. Сегодня это церковь Св. Екатерины в поселке Вастселийна (волость Выру, уезд Вырумаа, Эстония).

³⁴ ЕАА.1271.1.185. Л. 89.

³⁵ *Linda.* 1901. № 49. S. 780. Церковным советом его кандидатура была утверждена 21 октября 1901 г. (см.: *Eesti Postimees.* 1901. № 45. S. 2); *Postimees.* 1901. № 247. S. 3; *Pernausche Zeitung*, 1901. № 89. S. 2.

³⁶ Хильдегарда (Гильдегард) родилась 21 октября 1877 г. на скотоводческой мызе *Käo*. Ее отец — Рудольф Лиллевельд (владел названной мызой; родился в Камби близ Дерпта), мать — Паулина Евгения, урожденная Гейнрихсен (родилась в Санкт-Петербурге) (см.: ЕАА.1254.1.35. Л. 4; ЕАА.1254.1.69. Л. 95).

³⁷ ЕАА.1254.1.67. Л. 10.

³⁸ ЕАА.1271.1.187. Л. 85; ЕАА.1271.1.188. Л. 117; ЕАА.1271.1.190. Л. 114.

³⁹ Виктор Виттрок (1869–1944) — выпускник Дерптского университета, писатель, издатель и пастор.

⁴⁰ Пасторский дом находится через дорогу от церкви. Сохранился до наших дней.

⁴¹ *Wittrock V.* Eine Fußwanderung mit Schülern durch Livland // *Heimatstimmen.* Reval, 1904. S. 88.

⁴² *Ibid.*

⁴³ Церковная нетерпимость вообще была отличительной чертой революционного движения в Прибалтике. Так, в Лифляндии во время революции были закрыты 14 церквей, многие оказались оскверненными. В Лифляндии и Курляндии были убиты пять пасторов. Под давлением террора некоторые сельские пасторы бежали в города (см.: *Виттрам Р.* Указ. соч. С. 332–334).

⁴⁴ *Fehrmann W.* Bestattungsfeier des Pastors H. Hornberg // *Petrograder Zeitung.* 1914. № 309. S. 4.

⁴⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 29.

⁴⁶ По утверждению знавшей его Евгении Раух, Горнберг занял это место с карьерным прицелом, рассматривая Псков как «мостик», который позволит в дальнейшем перебраться в Петербург (см.: *Rauch E. Deutsches Kirchen- und Schulwesen in einer russischen Provinzstadt // Baltische Monatshefte* (1937). Н. 1. S. 22).

⁴⁷ *Rauch E.* Op. cit. S. 17–18; *Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю.* История Евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб., 2004. С. 239.

⁴⁸ Ныне — Октябрьский проспект. В 1937 г. кирху закрыли. В 1944 г. здание пострадало от бомбардировок; после войны остатки стен разобрали (см.: *Левин Н. Ф.* Псков на старых открытках: альбом в четырех частях. Псков, 2004. С. 103–105).

⁴⁹ *Деревнина Е. А., Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф.* Лютеранские церкви и приходы на Северо-Западе России XVIII–XX вв. СПб., 2021. С. 276; *Солодовников В. В.* Мученик Иаков Псковский. М., 2009. С. 19, 72.

⁵⁰ *Pernausche Zeitung*, 1910. № 4. S. 3; *Rauch E.* Op. cit. S. 22.

⁵¹ В справочниках годы службы Горнберга в псковском приходе чаще всего обозначаются как 1909–1913 гг. (см., например: *Amburger E.* Op. cit. S. 102, 360), но источниковедческий анализ позволяет утверждать, что фактически к исполнению обязанностей он приступил с 1910 г.

⁵² Дочь известного псковского врача К. А. Рауха, учительница. Была коллегой Горнберга по приходской прогимназии (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10768. Л. 42). В 1918–1919 гг., в условиях кайзеровской оккупации, руководила этим учебным заведением (*Солодовников В. В.* Указ. соч. С. 50–51; Из истории псковских немцев. Псков, 2007. С. 66–67).

⁵³ *Rauch E.* Op. cit. S. 22.

⁵⁴ *Солодовников В. В.* Указ. соч. С. 17.

⁵⁵ Национальный состав лютеранских прихожан в Пскове в описываемый период приобретал все более «прибалтийские черты». На 1909 г. среди них было 2400 латышей, 5800 эстов и лишь 2900 немцев (*Солодовников В. В.* Указ. соч. С. 72).

⁵⁶ *Postimees*. 1913. № 165. S. 2; *Koiti*. 1913. № 30. S. 2. В 1910–1913 гг. пастором латышского прихода Св. Иакова был Карл Лаппинг.

⁵⁷ О предшественнике Брезинского, например, известно, что он бегло владел эстонским (см.: *Rauch E.* Op. cit. S. 19). Сами же местные эсты немецкого, судя по всему, не знали. В основном это были крестьяне, переселившиеся в Псковскую губернию на рубеже XIX–XX вв.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 100; *Ефимов А. Н.* Эстонские евангелическо-лютеранские общины на Стругокрасненской земле // Псков. 2018. № 49. С. 50, 66–67, 70.

⁵⁹ Доходы от продажи изделий шли на нужды приходской школы и попечение о бедных.

⁶⁰ *Деревнина Е. А., Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф.* Указ. соч. С. 276; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10768. Эта приходская школа не раз меняла статус и названия (см.: *Солодовников В. В.* Указ. соч. С. 47–48).

⁶¹ Прогимназия состояла из четырех основных классов и пригготовительного

класса. Обучение было платным. В 1906 г. была разработана расширенная программа обучения (см.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10768. Л. 6, 13).

⁶² Здание прогимназии на бывшей Губернаторской улице сохранилось. Современный адрес: ул. Некрасова, д. 26.

⁶³ Памятная книжка Псковской губернии на 1911–1912 гг. Псков, 1910. С. 78, 86, 117.

⁶⁴ Rauch E. Op. cit. S. 22.

⁶⁵ Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе... СПб., 1912. С. 306; Памятная книжка Псковской губернии на 1911–1912 гг. Псков, 1910. С. 78.

⁶⁶ Rauch E. Op. cit. S. 23; Koit. 1913. № 30. S. 2.

⁶⁷ Из 14 лютеранских приходов Петербурга 11 являлись полностью или большей частью немецкими. См.: Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю. Указ. соч. С. 18–19.

⁶⁸ Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland: Eine historisch-statistische Darstellung. I. Band. St. Petersburg, 1909. S. 6.

⁶⁹ Показательно, например, что в церковном отчете за 1913 г. отмечалось систематическое сокращение числа крещений, причем связывалось это в первую очередь с «тяжелым нравственным кризисом» (см.: Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914. S. 25). В отчетах Генеральной консистории фиксировались сходные тенденции (см., например: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Л. 195, 198–199).

⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 292. Л. 125.

⁷¹ Там же. Для решения этой проблемы Пален предлагал выделить средства на «повышение квалификации» пасторов и поочередно отправлять их в научные командировки. Один раз идея была реализована: в мае 1914 г. Вальтер и Кентман съездили по такой «стипендии» церковного совета на конференцию в Стокгольм (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 36).

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 292. Л. 125 об.

⁷³ Там же. Л. 94, 123. Кейслер скончался 5 августа 1913 г.

⁷⁴ То есть церковного совета совместно с приходскими депутатами.

⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 292. Л. 129–131.

⁷⁶ Вильгельм Ферман (*Wilhelm Fehrmann*) (1864–1924) — сын Александра Фермана (служившего пастором Петрикирхе в 1865–1902 гг.); в 1905–1916 гг. — ректор Евангелического общества; в 1920–1924 гг. — пастор Петрикирхе (см.: Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю. Указ. соч. С. 157, 325).

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 292. Л. 129 об. Когда именно Горнберг выступал с пробной проповедью, выяснить не удалось, но, судя по всему, это был не единственный его визит в столицу до окончательного переезда. Известно, например, что в 1911 г. он присутствовал на Синоде Петербургского евангелическо-лютеранского консисториального округа, который проходил в стенах Петрикирхе, и имел возможность познакомиться с будущими коллегами. Горнбергом был написан краткий отчет об этом синоде (см.: *Hornberg H. Die 74. Predigersynode des St. Pe-*

tersburger Evangelisch-Lutherischen Konsistorialbezirks // Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Rußland. Bd. 64. 1911. S. 250–254).

⁷⁸ Знакомства в Петербурге у Горнберга определенно были, но какое из них сыграло решающую роль, неизвестно. Это мог быть кто-то из круга его бывших соучеников. Например, в Петришуле в этот период преподавал Альфонс Добберт, учившийся на богословском факультете вместе с Горнбергом (см.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе... СПб., 1912. С. 242; ЕАА.402.1.8700). В те же годы в университете (но на другом факультете) учился сын пастора Петрикирхе Кейслера, впоследствии известный композитор Герхард фон Кейслер (Койслер). Этот последний, видимо, тоже был знаком с Горнбергом: оба в 1894 г. записались в *Fraternitas Rigensis* (см.: ЕАА.402.1.11958. Л. 20).

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 292. Л. 141 об.

⁸⁰ Там же. Л. 150–150 об.

⁸¹ Горнберг с семьей проживал в церковном доме по адресу: ул. М. Конюшенная, д. 7 (см.: Весь Петроград на 1915 год. Пг., 1915. С. 167; Personalstatus der Evangelisch-Lutherisch und Evangelisch-Reformirten Kirche in Russland. Petrograd, 1914. S. 3; *Fehrmann W. Pastor Harald Hornberg zu St. Petri // Petrograder Zeitung*. 1914. № 307. S. 4).

⁸² РГИА. Ф. 828. Оп. 10. 1913 г. Д. 157. Л. 2; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 292. Л. 160.

⁸³ *Cantate* (иногда *Kantate*) (от интроита "*Cantate Domino canticum novum*") — четвертое воскресенье после Пасхи (пятое воскресенье Пасхального времени).

⁸⁴ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914. S. 21–22.

⁸⁵ *Ibid.* S. 19–20.

⁸⁶ Располагалась в церковном доме по адресу: Невский пр., д. 24.

⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 293. Л. 24 об. В общей сложности на церемонию введения Горнберга в должность приход потратил 297 руб. (см.: Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates... für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914. S. 87).

⁸⁸ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates... für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914. S. 7–8.

⁸⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 29; *Fehrmann W. Pastor Harald Hornberg zu St. Petri // Petrograder Zeitung*. 1914. № 307. S. 4.

⁹⁰ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates... für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914. S. 24.

⁹¹ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petrograd für das Jahr 1914. Petrograd, 1915. S. 16. *Примечание для исследователей*: печатный отчет церковного совета за этот год не попал в библиотечные фонды, но сохранился в архивном деле (см.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 34 об.). Далее все ссылки на него приводятся по архивному источнику.

⁹² Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates... für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914. S. 29–30.

⁹³ Ныне — поселок Рошино в Выборгском районе Ленинградской области. Приют в Райволе для летнего отдыха бедных детей прихода существовал с 1912 г.

⁹⁴ Весь Петроград на 1915 год. Пг., 1915. Стб. 944.

⁹⁵ Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland: Eine historisch-statistische Darstellung. I. Band. St. Petersburg, 1909. S. 62; Bericht über die Evangelische Anstalt Bethesda in Strelna... für das Jahr 1911. St. Petersburg, 1912. S. 5.

⁹⁶ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates... für das Jahr 1913. St. Petersburg, 1914. S. 5.

⁹⁷ *Гернет А. фон*. Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1910. СПб., 1910. С. 24–25; Bericht über die Evangelische Anstalt Bethesda in Strelna... für das Jahr 1911. St. Petersburg, 1912. Название дано по знаменитой иерусалимской купели, упоминаемой в Евангелии от Иоанна.

⁹⁸ Проект здания с романо-готическими чертами разработал И. Китнер. В книге о зодчем (*Николаева Т. И.* Виктор Шретеер. Иероним Китнер. СПб., 2007. С. 286) соответствующий проект ошибочно отнесен к другому стрелнинскому приюту — убежищу Св. Магдалины. Подробнее см.: ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 318; Bericht über die Evangelische Anstalt Bethesda in Strelna... St. Petersburg, 1912. S. 9–10.

⁹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Л. 336.

¹⁰⁰ Зал Петрикирхе имел в то время около 3 тыс. посадочных мест.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 30 об., 36.

¹⁰² Евангелический полевой лазарет ранее уже плодотворно действовал во время Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн.

¹⁰³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 36; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 293. Л. 75.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 31–31 об., 60; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 293. Л. 74, 76.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 31 об., 60; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 293. Л. 73, 74 об.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 36–36 об.

¹⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 293. Л. 82, 86.

¹⁰⁸ Полное название — «лазарет Петрикирхе и Петришуле для раненых воинов» (*Lazarett der St. Petri-Kirche und Petri-Schule für verwundete Soldaten*).

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 29.

¹¹⁰ *Fehrmann W.* Pastor Harald Hornberg zu St. Petri // Petrograder Zeitung. 1914. № 307. S. 4.

¹¹¹ В частности, Петришуле с 20 августа 1914 г. перешла на русский язык преподавания (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 36).

¹¹² В наибольшей степени пострадали пасторы, служившие в Прибалтике. Подробнее см.: РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 679.

¹¹³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 31. Отсылка к Откр. Иоанна 2:10 («Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни»).

¹¹⁴ РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 679. Л. 13–21.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 29, 36 об.; ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 135. Л. 44 об. — 45.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 29; *Fehrmann W.* Pastor Harald Hornberg zu St. Petri // Petrograder Zeitung. 1914. № 307. S. 4.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 60.

¹¹⁸ Там же. Л. 29 об., 36 об.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 36 об.; ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 135. Л. 44 об. — 45. Надгробие не сохранилось.

¹²⁰ Берман или Беерман — пастор кирхи Свв. Петра и Павла в Стрельнинской колонии. Именно ему было поручено духовное попечение о призываемых в «Вифезде».

¹²¹ *Fehrmann W. Bestattungsfeier des Pastors H. Hornberg // Petrograder Zeitung. 1914. № 309. S. 4.*

¹²² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 29–29 об.

¹²³ Неизвестно, поддерживали ли бывшие коллеги связь в этот период. В псковской прогимназии во время войны был размещен лазарет. В июле 1916 г. совет церкви Св. Иакова принял решение временно закрыть прогимназию «за неимением помещения и средств» (см.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10768. Л. 73).

¹²⁴ *Rauch E. Op. cit. S. 23.*

¹²⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 135. Л. 44 об. — 45; Речь. 1914. № 302 (2971). С. 5.

¹²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307. Л. 130 об. Этот и другие портреты пасторов фигурируют и в описях церковного имущества советского времени. См., например, опись 1930-х годов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 159. Пункт 316).

¹²⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 34.

¹²⁸ Там же. Л. 31 об.

¹²⁹ Помещения освободились в результате проведенной незадолго до этого реконструкции (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 293. Л. 76).

¹³⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1093. Л. 31 об., 36 об.

¹³¹ Там же. Л. 32 об.

¹³² Там же. Л. 33–33 об.

¹³³ Площадь квартиры составляла 59 кв. саженей, то есть 268 кв. м. Церковное руководство долго не повышало арендную плату, даже летом 1918 г. сдавая квартиру всего за 1 тыс. руб., хотя квартиры сопоставимой площади сдавались уже в 3–4 раза дороже (подробнее см.: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 303. Л. 39 об., 88 об., 92 об.). Осенью 1918 г. г-жа Горнберг сменила квартиру: вдове по ее просьбе уступили квартиру эмигрировавшего пастора Кентмана (с некоторой «скидкой» с учетом того, что она будет присматривать за оставленной мебелью; см.: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307. Л. 31 об., 38–38 об.). Теперь она и дети проживали по адресу Желябова, д. 10 (в старом наименовании — Б. Конюшенная, д. 10). См., например: ЦГА СПб. Ф. 2925. Оп. 1–2. Д. 3671. Л. 188 об.

¹³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 303. Л. 90 об.; Д. 307. Л. 14 об. Правда, в декабре 1918 г. в аналогичной просьбе было уже отказано (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307. Л. 77 об.).

¹³⁵ Так, за 1916 г. вдове пастора была выплачена пенсия в размере 983 руб. (РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 604. Л. 43). В дальнейшем сумма варьировалась, но оставалась скромной (см.: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307. Л. 92 об. — 93). Положение

семьи было отчаянным. Осенью 1918 г. вдова обратилась в церковный совет с просьбой найти ей место — пусть даже без жалованья, — и ее назначили помощницей приходского казначея (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307. Л. 64 об.). Работу она выполняла бесплатно. В 1919 г. ей удалось устроиться помощницей при столовой Петришале (4-й Единой трудовой школы) (ЦГА СПб. Ф. 2925. Оп. 1–2. Д. 3671. Л. 84), где учились ее дети (показательно, что один из них значился в тот период в списке учащихся, нуждающихся в дополнительном питании (ЦГА СПб. Ф. 2925. Оп. 1–2. Д. 3671. Л. 349)). В марте 1920 г. г-же Горнберг было выплачено единовременное вспомоществование (5000 руб.) в связи со смертью матери (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307. Л. 129). Что касается пенсии, то она выплачивалась как минимум до середины 1920 г. Затем церковное руководство обсуждало вариант выплаты вдове единовременных вспомоществований (ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 307. Л. 140 об.), но итог этих обсуждений неясен.

¹³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 2 Д. 818. Л. 2. В деле есть фотокарточка.

¹³⁷ *Dorpater Zeitung*. 1926. № 170. S. 4; *Beilage des Revaler Boten* // *Revaler Bote*. 1926. № 167. S. 4.

¹³⁸ Карл Меннинг (Menning) (1874–1941) — эстонский театральный режиссер и дипломат. Окончил Юрьевскую гимназию (1893) и богословский факультет Юрьевского университета (1902).

¹³⁹ Оскар Войт (Woit, Voits) (1866–1959) — латвийский врач и дипломат. Окончил Дерптский университет (сначала физико-математический, затем медицинский факультет (1895)).